

Константин Бальмонт

ПОД НОВЫМ
СЕРПОМ

РОМАН

Москва, 2018

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
Б21

Бальмонт, К.

Б21 Под новым серпом / К. Бальмонт. — М. : T8RUGRAM, 2018. — 320 с. — (Модное чтение).

ISBN 978-5-521-07244-6

Константин Дмитриевич Бальмонт (1867–1942) — русский поэт Серебряного века, переводчик и эссеист, один из виднейших представителей русского символизма, получивший всероссийскую и мировую известность.

«Под новым серпом» — удивительный роман с элементами автобиографии, основанный на реальных событиях и повествующий о судьбе поэта в эмиграции. Читателю предоставляется уникальная возможность познакомиться с малоизвестной прозой великого поэта и посмотреть на мир глазами классика Серебряного века.

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
BIC FC
BISAC FIC000000

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.....	5
ЧАСТЬ ВТОРАЯ.....	111
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ	225

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

Четыре котенка нежатся на теплой завалинке, разогретые лучом весеннего Солнца. Они вертятся, льнут друг к другу, ложатся — один на спинку, другой на бочок, поднимают кверху лапки, ловят что-то воображаемое, мурлычат, сверкают глазенками, и у каждого на уме свое, у одного непохожее на то, что у другого, все они грезят по-разному. Они от одной матери, и мать серая, но они все разные, один черный, другой тоже черный, но с белой грудкой, и третий рыженький, а четвертый пестрый. Когда они вырастут, они и вовсе будут разные по нраву. Один будет тихонько мурлыкать и все больше лежать на лавке и смотреть в окно, а другой будет честно ловить мышей, а третий полюбит подстергать птичек, а четвертый все будет таскать со стола, как его ни наказывай, будет смотреть на хозяйку получестными, лживыми глазами, и, что с ним ни делай, воровское сердце будет вовлекать его в воровство.

Вон у рябой курицы сколько желтеньких цыплят. Все они желтенькие и точно игрушечные. Как будто их нарочно сделали на Пасху, чтобы дети на них тешились. Но и у них будет у каждого особый нрав. Только люди, живущие в больших городах и не видящие природы и всего, что в ней, воображают, что все существа одной породы одинаковы. Так точно европейские путешественники, в первый раз приехавшие в Африку, находят, что все негры на одно лицо. Потом они узнают, что это не так. И когда на деревне под утро поют петухи, четко можно

услышать, у какого петуха голос всех чище и звончее. И тоже ведь есть где-то бои петухов, и некоторые из них совсем герои, даже бывают прославленные.

А жаворонки? А соловьи? Иной поет как будто пожилой тенор, охрипший от вчерашнего кутежа. Только старается и красуется, а ничего у него не выходит. А бывает такой, что сердце плачет, его слушая, и не знаешь, чего хочешь, душа из тела просится, и хочется ей утонуть в голубом, глаза закрываются сами, и кажется, что на лице поцелуй горит. Одна и та же песня по-разному звучит. Одно и то же слово два разные человека скажут, и сердце порвется надвое. Не узнаешь, кого слушать, за кем идти.

Эти мысли мелькали в молодой умной женской головке и не давали ей покоя. Не давало ей покоя, впрочем, не это размышление, а что-то совсем другое.

Ирина Сергеевна была женщина мечтательная и капризная. Пожалуй, из каприза она и начала вызывать в своей душе весенние образы, когда кругом шелестели желтые листья и легкие паутинки носились по воздуху в луче золотого сентября. Может быть, впрочем, совсем не из каприза. Лицо ее было скорей грустное и озабоченное.

Выйдя из усадьбы одна и миновав деревню, она шла по сжатому выветренному полю к недалекому леску, из которого доносился звонкий и дружный лай гончих. «Опять эта дикая забава, — подумала с недовольством молодая женщина. — Изю дня в день, изю дня в день одно и то же».

Ирина Сергеевна не только не отрицала охоту вообще, но и сама не раз охотилась с мужем своим, Иваном

Андреевичем Гиреевым, на волков и лисиц. Носиться с борзыми на быстром коне по дикому полю и чувствовать, как ветер свистит и справа и слева, а конь горячо дышит, волнуясь и радуясь заодно с седоком, это, конечно, настоящее занятие, достойное человека, любящего волю. Но целую неделю травить зайцев, забывая обо всем другом на свете, это мелко, это ничтожно.

Поредевшая лесная опушка, в своем желто-красном уборе, с преимущественным изобилием воздушно-желтого цвета всяческих оттенков, была уже совсем близко, и звонкая стая гончих — было явственно слышно — вела свой переливчатый лай, уклонявшийся то правей, то левей, не в глубь леса, а ближе, к опушке. Ирина Сергеевна узнавала отдельные голоса собак. Вот лает с подвизгиванием Заноза, пестрая сучка с голубыми глазами, вот захлебывается от нетерпения рыжий Терзай, не отстают в усердии Сбой, Кусач и Нагоняй, и всем дружным лаем, покрывая его и густо окутывая, правит, как властный бас, глухим своим голосом Громилло.

Ирина Сергеевна знала, что встретится с охотой. Она была бы не прочь обрадовать своим неожиданным появлением черноглазого и черноусого своего Ваничку, к которому уже несколько дней она опять чувствовала, за полосой охлаждения, чрезвычайную нежность, то истомное стремление, которое заставляет говорить любимому — желанный. Она знала, что глаза его засияют доброй кроткой улыбкой, немного застенчивой, точно он стыдится собственной своей нежности, и она скажет ему: «У! бука! У! злой! Опять убежал от меня. Домой пора». Ирина Сергеевна хотела встретить Ивана Ан-

дреевича и закрепить в своей душе что-то большое и светлое. Ей совсем не хотелось встретиться с его приятелем, вместе с ним охотившимся, Зигмунтом Огинским. После того, что было — один только раз, так жутко, и ярко, и неожиданно, два года тому назад между ними, — один только раз, — она не хотела его больше видеть, и он честно выдержал разлуку целых тринадцати месяцев, выдумав себе поездку в польское свое имение, в Виленской губернии. Но два уже месяца, как он вернулся и снова дружил с Гиреевым, и опять они весело выхвалялись друг перед другом охотничьими подвигами. Красивый поляк, с синими глазами и орлиным носом, несколько надменный, но и безукоризненно-вежливый, умел достигать, чего хотел, и снова пытался завладеть ее душой. Но довольно. Польский язык она с ним изучила. Нового Мицкевича, Словацкого и Красинского он не выдумает. А их она уже прочла, и многое другое. «Ваничка не любит стихов и не читает книг, а когда я играю на фортепьяно или когда на деревне водят с песней хоровод, какое у него тогда лицо, лучше любой поэмы. Зигмунт, — Ирина Сергеевна мысленно сказала „Зигмунт“, — умеет красно говорить, но кажется, что книги и стихи любит он так же, как свою двустволку, чтоб застрелить побольше дичи, и своего лягавого Вавеля, которого можно послать куда угодно, делать стойку и смотреть на приказывающего покорно услужливыми собачьими глазами. Нет, от меня он этого не дождется».

Встретилась, однако, Ирина Сергеевна не с мужем, а с Зигмунтом Огинским, едва только вошла за первыми деревьями опушки на лесную лужайку. Можно было

подумать, что Огинский ее ждал, хоть она и не говорила, что придет в лес. Он стоял у ствола березы и, увидев ее, быстро подошел к ней. Она опустила глаза, тотчас же вскинула их и с бьющимся сердцем молчала. Тонкий свист синицы перепорхнул над ними, и бисерный напев синей птички рассыпался в близком осиннике разбившимся тонким хрусталем. Волна собачьего лая шатнулась, хоровой возглас гончих, качнувшись налево и направо, помчался куда-то в сторону. Солнечный луч пронизал круглое кружево паутины, дрожавшее между двумя изумрудными ветками развесистой ели, и по отдельным паутинным клеточкам заиграли малые радуги. В воздухе слышался крепкий и острый дух где-то близко скрывавшихся груздей.

— Ирис, — сказал Огинский (он так когда-то ее звал). — Мой милый Ирис, зачем так мучить меня? Разве я не люблю?

Ирина Сергеевна молчала. Этот голос ее волновал. Эти слова ей нравились. Острый свист синиц перепархивал и разбивал хрусталинки.

Огинский взял ее за руку.

— Моя милая, — сказал он. Сильным, но ласковым движением он потянул ее к себе.

Где-то хрустнула ветка, и с березы дождем посыпались желтые листья. Ирина Сергеевна резко высвободила свою руку, гордо закинула голову и воскликнула с горячностью:

— Никогда! Никогда больше!

Она отступила, повернулась и, точно за ней была погоня, со всех ног выбежала из лесной опушки на опустевшее поле.

Высоко, от Севера к Югу, в бледной лазури неба, с долгим кличем-перекликаньем, тянули журавли. Их было семь, и мерный треугольник их ускользал с такой правильной торжественностью, точно полет их был размеренным служеньем на верховной светлой обедне.

II

Этот сентябрьский день с последовавшей за ним ночью, отмеченной тонкою ладьей Новолунья, был из тех дней, в которые случается что-нибудь, оставляющее надолго неукоснительный след в жизни нескольких людей. Значительность совершившегося бывает часто совсем не видна тем самым людям, в чьих руках пряжа совершающегося, и лишь много времени спустя человеческая мысль припоминает дни и числа и узнает, с какого мгновения протянулась вот эта полоса очевидности, столь богатая сложностью, столь исполненная счастья или несчастья.

А так это был день как день, похожий на другие дни начала сентября, месяца особливо нарядного, золотистого и воздушного, полного невыразимой прелести прощанья, грусти и радости вместе, впервые обозначившихся просторов среди пустынных полей и в поредевших, но расцвеченных лесах, новая особенная тишь над гладью темно-синих затонов, очарование длинных летучих паутинок, крики отлетных гусей и журавлей, яркий пурпур ликующих настурций.

Ирина Сергеевна зашла в сад. Она глянула в садовый чан — там на воде зеленел сплошной круглый ковер разросшейся ряски. Тут же рядом были парники, и плоские их малые оконца, изнутри замгленные, мерцали